

Глава 8. Вместе под одним одеялом

Экипаж мерно катился вперёд. Стук колёс, монотонно рокотающий по мостовой, действовал усыпляюще, и Цзянь Мянью, укачанный этим ритмом, начал проваливаться в дрему.

Спустя какое-то время тишину прервал голос Цинь Уцзю:

— Остановись.

Возница тут же натянул поводья. Цзянь Мянью проснулся, протирая глаза кулаками, и пробормотал:

— Младший шишу хочет что-то купить? Я сам схожу, только скажите.

Но Цинь Уцзю уже откинул полог и вышел наружу. Цзянь Мянью поспешил следом и увидел, что его спутник уверенно направляется к дверям постоянного двора.

Заведение называлось «Пьяный Тай-бо». Даже на этой оживлённой улице оно выделялось роскошью: огромные, яркие красные фонари у входа сияли куда сильнее, чем у соседей.

— Решили поужинать здесь? — спросил Цзянь Мянью.

После визита в игорный дом они ничего не потеряли, но и не заработали. Юноша, привыкший к бережливости, с тревогой окинул взглядом дорогой фасад и попытался переубедить дядю:

— Младший шишу, пойдёмте лучше домой. Я приготовлю лапшу, сварю пару яиц-пашот с жидким желтком, как вы любите...

— Поедим здесь.

Эта короткая фраза поставила точку в споре. Цзянь Мянью тихо вздохнул, но тут же смирился. Что ж, в конце концов, иногда можно и сменить обстановку.

Пока он предавался раздумьям, Цинь Уцзю уже поднялся на второй этаж, следуя за услужливым официантом. Цзянь Мянью бросился вдогонку.

— Только договоримся сразу: никакого вина!

Официант ловко протёр стол и стулья, а стоило Цинь Уцзю сесть, как перед ним тут же появилась чашка свежего чая. Парень так лучезарно улыбался и двигался настолько споро, что невольно вызывал симпатию. Даже скептически настроенный Цзянь Мянью смягчился.

Цинь Уцзю велел принести все фирменные блюда заведения и, вопреки ожиданиям, заказал ещё и миску лапши. Когда слуга удалился, юноша всё ещё не верил своим ушам: неужели младший шишу действительно ни словом не обмолвился о выпивке?

Цинь Уцзю бросил на него короткий взгляд и произнёс:

— Сегодня всё будет так, как ты скажешь.

Цзянь Мянй опешил.

— В смысле?

Цинь Уцзю отхлебнул чаю, явно не собираясь ничего объяснять. Юноша вертел в пальцах чашку, гадая, стоит ли расспрашивать дальше, но тут официант начал метать на стол закуски.

Сервис в «Пьяном Тай-бо» оказался на высоте: блюда подавали стремительно, и выглядели они так аппетитно, что во рту невольно скапливалась слюна. Вскоре стол был заставлен яствами, и восторг Цзянь Мянй сменился уколами совести. Столько еды! Им двоим в жизни не съесть столько, а ведь за это придётся платить бешеные деньги.

— Остальное не нужно, — поспешно бросил он.

— Почти всё готово, почтенный гость! — отозвался официант. — Осталось последнее блюдо, сейчас принесут.

Делать было нечего. Вскоре в зале показались двое слуг, несущие что-то на подносе. Блюдо было накрыто красным шёлком и выглядело необычайно торжественно, а шествие сопровождалось весёлым боем барабанов и звоном гонгов.

Цзянь Мянй, хоть и сокрушался о тратах, невольно заулыбался, глядя на этот балаган. Шёлк откинули, и под ним оказалась... миска лапши. Юноша с любопытством уставился на неё: может, она сварена на небесной росе? Даже у жареной утки не было такого почётного эскорта.

Слуга поставил лапшу перед Цзянь Мяннем. Юноша хотел было пододвинуть её Цинь Уцзю — лапша легко усваивается, а дяде нельзя ничего жирного на ночь, — но тот негромко сказал:

— Это тебе.

Цзянь Мянй замер. В ту же секунду все слуги, включая музыкантов, низко поклонились и в один голос затянули:

— Поздравляем молодого господина с днём рождения! Желаем вечной юности, долгих лет, благосклонности небес и исполнения всех заветных желаний!

Град поздравлений обрушился на Цзянь Мяня, окончательно его дезориентировав. Лишь когда Цинь Уцзю раздал щедрые чаевые и шумная толпа удалилась, парень пришёл в себя.

Он вспомнил. Сегодня действительно был его день рождения.

Восемнадцать лет.

В этом мире цифра, быть может, не значила так много, но для него, пришельца из современности, восемнадцать лет были гранью — вступлением во взрослую жизнь. Прекрасный возраст.

Цзянь Мянь сжал кулаки, спрятанные под столом. Глядя на Цинь Уцзю, он выдавил сиплым голосом:

— Младший шишу... откуда вы узнали, что у меня сегодня день рождения?

Тот повёл себя так, будто не сделал ничего особенного:

— Ли Цин в своём письме упомянул дату твоего появления на свет.

«Вот оно что...»

Губы Цзянь Мяня дрогнули, но он промолчал. Какая ирония судьбы — дата рождения прежнего владельца тела совпадала с его собственной. В душе шевельнулось чувство вины перед тем юношей, чьё место он занял. Где он теперь? Поменялись ли они телами? Жив ли он? Ответов не было, оставалось лишь надеяться, что у того парня всё хорошо.

Цинь Уцзю легонько постучал пальцами по столу, вырывая его из раздумий:

— Ешь.

Цзянь Мянь кивнул. Слова благодарности застряли в горле. Он низко склонился над миской, и лицо обдало горячим паром. Крупная слеза сорвалась и упала в бульон, пустив по нему едва заметную рябь. Юноша принялся жадно есть лапшу, не вытирая глаз. Он убеждал себя, что это просто пар слишком обжигает лицо.

Цинь Уцзю, разумеется, всё заметил. Его палочки на мгновение замерли, но он не подал виду и продолжил ужинать в тишине.

Весь остаток трапезы прошёл без слов. Когда они вышли из заведения, Цзянь Мян, немного отстав, ухватил спутника за край рукава и тихо произнёс:

— Спасибо вам, младший шишу.

Цинь Уцзю обернулся, глядя на его пальцы, вцепившиеся в шёлк одеяния. Заметив этот взгляд, Цзянь Мян смутился — вести себя как ребёнок было неловко — и тут же отпустил ткань.

Но дядя не стал ворчать. Он лишь посмотрел на его покрасневшие глаза и проговорил:

— Я приготовил для тебя подарок.

— Не стоит! — воскликнул Цзянь Мян. — Того, что вы сделали, уже более чем достаточно.

— Ступай посмотри, он ждёт тебя в комнате, — Цинь Уцзю пристально смотрел на него, и в глубине его глаз мелькнула странная искра. Он даже едва заметно улыбнулся. — Надеюсь, тебе понравится.

— Спасибо! — Цзянь Мян был растроган до глубины души и совершенно не заметил в глазах Цинь Уцзю затаённого лукавства и предвкушения.

Вернувшись домой, Цзянь Мян расплатился с возницей, приготовил горячую воду для умывания и, закончив возиться с нуждами Цинь Уцзю, наконец поспешил к себе.

Его распирало от любопытства. Кто бы ни говорил, что подарки — чепуха, на самом деле каждому приятно внимание в такой день. Шицзунь был прав: младший шишу хоть и со странностями, но человек неплохой.

С сияющей улыбкой он толкнул дверь... и в ту же секунду на него, обдав волной пряного аромата, кто-то бросился. От неожиданности и страха Цзянь Мян едва не лишился чувств. Решив, что это нападение, он инстинктивно задержал дыхание и с силой ударил нападавшего ногой.

Женский вскрик заставил его покрыться холодным потом. В комнате кто-то кубарем покатился по полу, раздался глухой стук, и всё стихло.

Дрожащими руками Цзянь Мян зажгёт свечу. На полу, прислонившись к ножке кровати, лежала девица — лицо писаной красавицы, фигура соблазнительная, одежды... почти отсутствуют. На лбу её наливалась огромная шишка: видимо, приложилась об дерево, когда отлетела от его удара, и потеряла сознание.

Цзянь Мян замер, не веря собственным глазам. Он перевёл взгляд с девицы на обстановку

комнаты. Сомнений не оставалось: вот он, подарок младшего шишу.

Кончики его пальцев мелко задрожали — на этот раз от ярости. Весь пафос и благодарность испарились без следа. Его слёзы над лапшой были напрасны! Цинь Уцзю и не думал поздравлять его, он просто решил поиздеваться.

Как это... низко!

Комната Цинь Уцзю находилась за стенкой, так что он прекрасно слышал шум, который, впрочем, быстро стих. Он не стал вмешиваться и просто прилёг на кровать, не раздеваясь.

Спустя какое-то время дверь в его покои с грохотом распахнулась. В лунном свете, заливавшем порог, возникла фигура Цзянь Мян. Тот стоял, прижимая к груди подушку и буквально пыхтя от возмущения.

Дом Цинь Уцзю был просторным, но жилыми оказались только две комнаты. В одной теперь была заперта бесчувственная «красавица», а время было слишком позднее, чтобы наводить порядок в других помещениях. Поэтому Цзянь Мян не придумал ничего лучше, как прийти к виновнику своих бед.

Будь на месте Цинь Уцзю его учитель Ли Цин, парень никогда бы не осмелился на такую дерзость. Но младший шишу был другим. Он совершенно не вёл себя как подобает старшему, и Цзянь Мян это чувствовал. Границы почтения в его голове давно размылись. Для него Цинь Уцзю был кем угодно, только не «уважаемым дядей».

Логика Цзянь Мян была проста: во всём виноват шишу, из-за него ему негде спать, а значит, шишу обязан его приютить.

Не дожидаясь приглашения, он прошёл к кровати, швырнул свою подушку рядом с подушкой Цинь Уцзю, скинул сапоги, верхнее платье и нырнул под одеяло, бесцеремонно оттяпав себе добрую половину.

Цинь Уцзю даже не шелохнулся. Он молча наблюдал за каждым его движением, и лишь когда юноша улёгся рядом, спросил:

— Что ты делаешь?

— Сплю! — огрызнулся Цзянь Мян.

При одной мысли о «подарке» в соседней комнате его снова захлёстывала злость.

Разговаривать с этим человеком он не желал.

Цинь Уцзю едва заметно приподнял бровь. В его постели никогда не было живых существ — ни людей, ни кошек, ни собак. Этот наглый племянник был первым, кто самовольно залез к нему под бок.

Кровать не была слишком широкой, а общее одеяло делало контакт неизбежным. В том месте, где их тела соприкасались, стало жарко — такая близость казалась чрезмерной.

Но день выдался тяжёлым, и Цзянь Мянью, несмотря на ярость, уснул почти мгновенно. Его манеру спать нельзя было назвать приличной: едва погрузившись в глубокий сон, он начал ворочаться и в конце концов закинул ногу на Цинь Уцзю.

Тот повернулся на бок. Племянник спал лицом к нему, глаза были плотно закрыты, дыхание стало ровным и глубоким. Он выглядел совершенно беззащитным.

Глядя на него, Цинь Уцзю почувствовал, как в нём просыпается некое тёмное любопытство. Он медленно протянул руку, положил пальцы на горло юноши и начал медленно сжимать их.

Холодное прикосновение заставило Цзянь Мянью нахмуриться. Он недовольно пошевелился во сне, поймал мешающую ему руку, стянул её вниз и крепко прижал к своей груди, затихнув.

Цинь Уцзю замер. Под его ладонью мерно и уверенно стучало сердце. Помолчав немного, он вдруг тихо рассмеялся. Его решение в карете было верным — держать этого мальчишку при себе оказалось чертовски занимательно.

Они лежали вплотную. Юноша, чьё тело пылало жаром молодости, прижался к нему, словно маленькая печка, и Цинь Уцзю почувствовал, как его собственное ледяное тело начинает согреваться.

Так он и уснул — с рукой, прижатой к чужому сердцу.

Этой ночью сон его был спокойным.

<http://bllate.org/book/17489/1709197>